

Демократія спит

Еще обвал — и большая, живая страна, выносившая на своих плечах около половины культуры Запада, провалилась, если не в небытие, то за предѣлы нашего исторического времени. В другой вѣк. В другую исторію — древнюю, среднюю или ультра-современную? Во всяком случаѣ, в тот вѣк, гдѣ мѣряют достоинство человѣка чистотою крови, гдѣ мѣтят евреев желтым крестом... гдѣ жгут вѣдьм и еретиков. Костров еще нѣтъ — для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена. От гуманизма осталось так мало, что возстановленіе квалифицированных казней, право, ничего не измѣнит в обликѣ торжествующаго бестіализма.

Вот уже третье предостереженіе. Первой провалилась Россія. За ней Италія. Теперь Германія. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцѣлѣвшіе, на крайнем Западѣ, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки материка.

Не будем обманывать себя твердостью уцѣлѣвшей почвы. Не будем ссылаться на случайности, обусловившія катастрофу. — Да, конечно, были особыя причины в Россіи (проигранная война), свои в Италіи (классовая борьба), свои в Германіи (націонализм реваншистов). Конечно, не сходны по своим идеям и идеологіям эти три революціи. Но за различіями остается общее: это общее — в новой концепціи человѣка и государства, отрицающей не только демократію и 19-ый вѣк, но и начисто всѣ 16 вѣков христіанской исторіи. Перед этим основным фактом ступеньваются всѣ остальные различія: интернаціонализм одних и націонализм других, свирѣлость русскаго коммунизма и сравнительная мягкость итальянскаго фашизма и т. д.

Есть еще одно особенно тревожное обстоятельство: про-

валившіяся страны, при всѣх различіях их культур и уровней, представляют то, что было в Европѣ самаго передового, самаго юнаго — «живую силу» ея движенія. Варварская Россія в своих порывах и во многих дѣйствительных достиженіях ея интеллигенціи была, конечно, на ряду с Германіей авангардом Европы. Рядом с ними и футуристической Италіей болѣе богатая культурой страны крайняго Запада жили больше вчерашним днем. Судьба «молодых» народов как будто указывает путь историческаго движенія. Если это движеніе направлено по нисходящей или даже падающей кривой, если дорога обрывается пропастью, то передовые гибнут первыми. Это ясно. Но спасает ли это остальных?

Франція, безспорно, является сейчас самой консервативной силой міра. Это связано не только с ея положеніем побѣдителя (*beati possidentes*), но и с устойчивостью ея экономического строя. Но на чем основана эта — весьма относительная — устойчивость? В значительной мѣрѣ, на отсталости ея хозяйства. Франція не пережила горячки рационализаціи, которая увеличила повсюду безработицу и склады не находящих сбыта товаров. Франція в значительной степени живет земледѣліем и ремеслом — может-быть, совершенно нераціональными с точки зрѣнія мірового хозяйства, но имѣющими прочную «экзистенціальную» цѣнность. Но представим себѣ, что экономическій кризис поразит Францію с той же силой, как и другія страны. Паденіе франка, рост безработицы вызовет сразу революціонныя судороги. Крестьянин, чиновник, рантье — облагаемые налогами — начинают рычать и огрызаться на власть, вторя рабочим красных предмѣстій. И пора спросить себя, дѣйствительно ли мелкій рантье представляет такую скалу, о которую всегда будут разбиваться всѣ социальныя революціи.

Англія родина демократіи, старыи дом благородных традицій, гдѣ сохраняются еще — в единственной странѣ міра — политическая совѣсть и правила «честной игры». Но старая Англія уходит. Теряя кусок за куском своего престижа, одну за другой провинціи своей имперіи, один за другим свои рынки, она давно ведет арьергардные бои. Давно уже утрачено ею чувство увѣренности, способность широких перспектив. Почти

невѣроятным представляется, чтобы она снова смогла бросить всю свою мощь на защиту распадающейся имперіи и гибнущей Европы. От жестокаго экономического потрясенія она спасается тѣм, что кормит миллионы рабочих за счет своих еще неизсякших накопленій. Пролетаріат на содержаніи государства — плохая опора демократіи. Паралич политической воли сказывается в отсутствіи твердаго политическаго большинства, в безвольных и безпринципальных коалиціях, при которых вчерашній социалист Макдональд возглавляет консервативное большинство. Общій кризис моральных понятій почти похоронил пуританскіе устои, на которых выросла англійская демократія. Англию еще трудно представить себѣ, несмотря на сотни тысяч ея «фашистов», фашистской или коммунистической. Но весьма легко представить себѣ британскіе острова ареной гражданской войны. Недавнія событія ея исторіи (Ирландія — Ульстер) показывают, как легко государственно-правовые конфликты на почвѣ вѣкового индивидуализма могут привести к революціи.

Наконец, Америка. Ея уже, конечно, не причислишь к арьергарду. Но трудно демократіи возлагать надежды на эту страну неограниченных возможностей, гдѣ политическія традиціи столь хрупки, гдѣ европейцу порой неясно: кто же, наконец, управляет этим фантастическим континентом, — банды гангстеров или Wall-street?

Вот почему кажется слишком смѣлым сейчас противопоставленіе «цивилизованнаго міра» с его негодованіем и гитлеровской Германіи. Раздѣляя всецѣло это негодованіе, мы должны признать, что рубеж проходит глубоко внутри «цивилизованнаго» міра, — между странами вчерашняго и нынѣшняго дня. Передовой характер наступающаго варварства сам по себѣ является осужденіем той цивилизаціи, которая держится лишь еще живущими в ней силами спасительной косности и, в порядкѣ историческаго детерминизма, представляется поэтому обреченной.

Но мы не детерминисты. Мы вѣрим в свободу человѣческаго самоопредѣленія. Любой момент паденія может быть сдѣлан исходной точкой возрождающаго подъема. За то это же

сознание возлагает на нас на всех полноту исторической ответственности.

С точки зрения этой ответственности, демократия Европы является не только жертвой, претерпевающей насилие разных «блуждающих» и темных зверей, но и сама виновна — в попустительстве, в соучастии, в соблазне. Геній уходящей в вечность Германіи мог бы сказать обличающей Европѣ: «Полюбуйся, это дѣло твоих рук».

В самом дѣлѣ, слишком ясно, что зарождение, рост и побѣда гитлеризма в Германіи, вмѣстѣ с распадом ея демократіи, совершались на фонѣ международных событій, под их непосредственным давлением. Примат внешней политики над внутренней — характерное явление послѣвоенной Германіи. Страна жила под знаком поражения, мучительно страдая от послѣдствій разгрома. Быть может, національная чувствительность переоцѣнивала роковыя для Германіи послѣдствія Версальскаго мира. Страданія от послѣдствій войны и старческаго маразма капитализма чувствуются во всем мірѣ. Но в Германіи они несомнѣнно обостряются тягостями, возложенными на побѣжденных: контрибуціей, потерей колоній, потерей восточно-европейских рынков. Самое существованіе республики и демократіи в Германіи были связаны с опредѣленной національной программой: «исполненія» Версальскаго мира и примиренія с побѣдительницей — Европой. Демократія в Германіи с самаго начала была построена на благородной иллюзіи: на программѣ Вильсоновскаго мира, на Лигѣ примиренных націй, на забвеніи прошлаго. Неправда, что республика была навязана Германіи побѣдившими державами, как неправда и то, что она была лишь защитным цвѣтом старорежимных сил. Оттолкновеніе от стараго, от виновников разгрома и вѣра в моральную правду демократіи были реальными силами у творцов и дѣятелей Веймарской конституціи. Но, при всей их реальности, эти силы не были мощными. Онѣ нуждались в воспитаніи и помощи извне. Как же отнеслась побѣдившая демократія к своей младшей сестрѣ?

О, без всякаго сомнѣнія, в случаѣ побѣды, Гогенцоллернская Германія дала бы чувствовать свой кулак куда тяжелѣе,

чѣм Франція Пуанкарэ или Анлія Ллойд-Джорджа. Но имперіализм императора Вильгельма был внутренне послѣдователен. Имперіализм новой демократіи противорѣчит всѣм ея торжественным увѣреніям: и цѣлей войны и Лиги Націй. В том то и дѣло, что демократія не имѣет права на нѣкоторыя преступленія, которыя совершенно к лицу другим режимам. Вот, между прочим, почему народы, рѣшившіеся на эти преступления, спѣшат сначала покончить со стѣснительной демократіей.

Франція не была, конечно, Шейлоком, требовавшим от Германіи по договору свой фунт мяса, — но Шейлоком она неизбѣжно должна была представляться Германіи. Не Шейлок, но кредитор, мелко-расчетливый и плохо-расчетливый, полный недоувѣрія к поверженному врагу и страха перед его возрожденіем. Признаем полную обоснованность и недоувѣрія и страха. Но основанная на этих эмоціях политика увеличивает опасность, углубляя пропасть между народами. С точки зрѣнія самого французскаго націонализма, если нельзя было уничтожить Германію и ея народ, надо было привязать ее к Франціи. Эта задача была трудна, но не безнадежна.. Демократическая Германія готова была пересмотрѣть в корнѣ свои отношенія к Франціи, а тѣм болѣе к Англій.

Но вмѣсто того, чтобы поставить поскорѣе крест на прошлом, Франція не переставала беречь военныя раны и унижать Германію и ея демократическую власть. Позор Германіи, несчастья ея политики ложились тяжестью на ея демократію, с каждым годом выбивая почву из-под ея ног. Они оправдывали, казалось, политику сопротивления и национальную реакцію, стоявшую за нею.

Самое худшее, — Франція не была послѣдовательна и в своей непримиримости. Не чувствуя ни поддержки Европы, ни достаточных собственных сил для политики нажима, она колебалась между тактикой Пункарэ и Бриана, портя половинчатостью и ту и другую. Она уступала Германіи, но с опозданіем, сводившим на нѣт моральное значеніе уступок. Так было с очищеніем Рура и Рейна, с отказом от репараций, так обстоит и теперь с признаніем равенства вооруженій. За послѣдніе годы уже не угрозы, а уступки Франціи питали германскій націо-

нализм. Франція отдаёт Папену и Гитлеру то, в чем она отказывала социалистам и центру. Она соблазняет нѣмцев к выводам, что в политикѣ слѣдует не взывать к совѣсти и разуму, а стучать кулаком по столу. Так, обливая нѣмцев то холодной, то горячей водой, она поддерживала в них націоналистическую лихорадку и оппортунизмом, плохо прикрытым демократической фразой, подрывала в Германіи престиж демократіи и уваженіе к праву.

Германія, бьющаяся в тисках Версальскаго мира, видѣла перед собой одну Францію. От Англіи, от Америки она могла надѣяться и на пересмотр договоров и на финансовую поддержку. Но в сущности, эта неблагодарная роль Франціи ложится тяжестью и на всѣх ея бывших союзниц. Требованіе Франціей гарантій безопасности вполне логично для Европы, объявившей войну войнѣ. К чему создавать Лигу Націй, оставляя ее безвластной и безоружной — предмет издѣвательства и для Японіи и для Москвы? Но дѣло в том, что не только Америка умывает руки в дѣлах Европы (и это послѣ вмѣшательства в Европейскую войну), но даже Англія мечтает отсидѣться на своем островѣ при новой европейской катастрофѣ. Англія предлагает Франціи сократить свою армію, не желая сокращать своего флота. Америка воспользовалась годами мирных конференцій для того, чтобы вырвать у Англіи перевѣс морских сил. За идеологіей Лиги Націй, созданной демократіей, скрываются частные національные интересы, сейчас менѣе, чѣм когда бы то ни было, склонные к жертвам ради вышшаго сверхнаціональнаго общенія. Защита своего личнаго достоянія — вот что противопоставляет демократія экспансіи воинствующих фашистских держав.

Так как в послѣдней войнѣ побѣдили демократіи, то их «достояніе» представляется в значительной мѣрѣ плодом военной добычи. Картѣ новой Европы, выкроенная в Версалѣ, противорѣчит всѣм демократическим принципам самоопредѣленія народов, которые были официальным лозунгом войны. Особенно жестоко обошлись с этими принципами в Восточной и Юго-Восточной Европѣ, гдѣ «демократическіе» союзники Франціи держатся террором, направленным против національных

меньшинств. И Франция вынуждена защищать неприкосновенность договоров, т.-е. увѣковѣчиваніе насилія, потому что великія демократическія державы не могут предложить ей никаких гарантій мира, кромѣ купленной помощи восточных васалов.

Но защита неприкосновенности договоров, т.-е. защита пріобрѣтенных прав, лишает всякаго моральнаго содержанія разговоры на мирных конференціях, разбивая их участников на двѣ все отчетливѣе оформляющіеся коалиціи: на тѣх, кто защищает пріобрѣтенное, и тѣх, кто жаждет пріобрѣсти. Фашизм и есть политическое выраженіе національных экспансій.

Под непрекращающіеся 15-лѣтніе разговоры о мирѣ, Европа продолжает вооружаться. Конечно, отвѣтственность за подготовку новой войны ложится прежде всего на сильных, на побѣдителей, т.-е. на державы-демократіи. Однако, субъективно, онѣ менѣе всего хотят войны, в которой, не пріобрѣтая ничего, онѣ рискуют все потерять. Вся вѣроятность говорит за то, что новая война будет смертельна прежде всего для демократіи. Дух современной войны и дух свободы несомѣстимы. Торжество демократіи в прошлой войнѣ отчасти связано с экономическим и численным превосходством стран Согласія, отчасти с их готовностью отказа от демократических принципов на время войны. При длительных и трудных войнах диктатура неизбѣжна. Что касается создаваемой войной психологіи, то она почти тождественна психологіи фашизма. Фашизм есть милитаризація гражданскаго общества, попытка перенесенія на мирное населеніе приѣмов управления в прифронтовой или оккупированной зонѣ. На другой день послѣ войны (1919 г.) и Франціи угрожала революція — фашистская или коммунистическая, трудно сказать.

Когда, нѣсколько лѣт назад, открылся экономическій кризис, в борьбѣ с ним демократическая Европа проявила такое же безсиліе и безволіе, как и в борьбѣ с войной. Причины были тѣ же. Прежде всего, тяжесть накопленных благ. Демократическія державы оказались капиталистическими по преимуществу. В большей степени, чѣм в других, молодых странах, финансовый капитал диктует свою волю (или свое безволіе) старым де-

мократіям. Он заперещает всякую радикальную мѣру для обузда-
нія капитализма и ограничивает кругозор политиков привычным
арсеналом средств: финансовое «оздоровленіе», таможенные
ставки. Барахтаясь в волнах потока каждый естественным и ин-
стинктивным движеніем старается утопить мѣшающаго сосъ-
да: отсюда запретительные тарифы, приводящіе к настоящей
таможенной войнѣ. Мір разбивается на ряд замкнутых націо-
нальных хозяйств, из которых однако ни одно не может суще-
ствовать изолированно от мірового хозяйства. Политика сокра-
щенія и разрушенія производства, возвращенія к примитивным
его формам раскрывает реакціонно-разрушительныя тенденціи
современнаго капитализма. С нѣкоторых пор открытая и «че-
стная» война товаров осложнилась безчестной игрой валют на
пониженіе, возрождая, под новым именем инфляціи, средневѣ-
ковое королевское средство поправленія финансов порчей мо-
неты. Особенно пикантна позиція Соединенных Штатов, ко-
торые, выколачивая военные долги — словно не покрытые
кровью — одновременно понижают доллар, чтобы расплачи-
ваться самым подешевле.

Если от международных отношеній обратиться к внутрен-
ней жизни западных демократій, то в ней мы найдем ключ к
безвыходности международнаго положенія. Нигдѣ не видим ни
новых идей, ни сильных партій, ни больших вождей. Политики
живут рутинной, парламентской кухней безмятежнаго 19-го вѣ-
ка, не в силах взглянуть в лицо грозному настоящему. Всѣ уси-
лія партій сводятся к борьбѣ за большинство, все труднѣе ско-
лачиваемое и все менѣе оправданное единством политической
воли. Суровая экономическая проблема дня сводится к узкой
темѣ бездефицитнаго бюджета, вокруг котораго протекает ста-
рая мелочная — почему не сказать: низкая? — борьба интере-
сов отдѣльных групп и классов, стремящихся переложить друг
на друга финансовыя тяготы. Соціалисты, защищающіе инте-
ресы промышленных рабочих, ничуть не болѣе принципиальны,
чѣм «реакціонеры», защищающіе интересы крестьянства или
средних классов — болѣе безпомощных, чѣм пролетаріат. Ни-
гдѣ нѣтъ ни плана конструктивной реформы, ни готовности пра-
вовой борьбы за общественный идеал. Все недовольство, на-

копляющееся в массах, канализируют партіи революціи, и их энергія (нѣкогда один из главных моторов соціального движенія) пропадает для гражданскаго общества. Отсутствие приводных ремней между силами революціи и политическими формами демократіи, быть может, одно из поразительных явленій новаго времени. Оно именно обрекает на безплодіе работу парламентской машины и ставит под знак вопроса будущее демократіи.

Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей — такова формула кризиса демократіи, вскрывающая не порочность учреждений, а нѣчто худшее: одряхлѣніе демократической культуры. Дѣло не в парламентаризмѣ и его недостатках. Разумѣется, парламент создан для мира а не для войны. В часы, требующіе отвѣтственных рѣшеній, голосованіе собраній не может замѣнить личной воли и отвѣтственности вождя. Но что же? Развѣ фасція и сѣкира не символы старѣйшей демократіи — римской? Развѣ не она создала институт легальной диктатуры? И давно ли еще в Европѣ эти символы демократіи были грозной силой, пред которой трепетали короли и народы, которая дѣйствительно строила новый мір на обломках стараго? Нынѣ грозныя эмблемы украшают рѣшетки садов и фасады мэрій милой Франціи,—безобидныя и безпомощныя, как состарившійся в неволѣ орел, над которым глумятся мальчишки (из Action Française).

Эти символы, эти римскіе жесты, этих вождей и штурмующіе легіоны — состарившаяся Маріанна нынѣ видит в станѣ своих врагов. Она сама не понимает, что так ее состарило: уж конечно, не годы (шестьдесят лѣтъ республики, — что за старость!), а разврат. На содержаніи у банкиров, республика быстро забывает о благородствѣ своего плебейскаго происхожденія. И сердце народа уже не принадлежит ей.

**

Не случайно, конечно, что во главѣ безпринципных капиталистических демократій стоят сейчас чаще всего идеалисты стараго гуманитарнаго, даже религіознаго типа. Даже для то-

го, чтобы заговаривать зубы на мирных конференціях, нужно имѣть акцент: подлинный паѳос мира. В этих надеждах, которые циники возлагают на старых идеалистов, сказывается крушение безнадежно раздѣляющей «дѣловой» политики — политики интересов. Смутное пониманіе того, что нужны большія моральныя силы для обновленія и даже для существованія культурнаго міра. Бѣда лишь в том, что за старыми идеалистами не стоит никаких, или почти никаких общественных сил. Вот почему их моральная энергія растрачивается на дипломатическую акцію, им по существу мало свойственную, и не приводит к моральному накопленію. Все, чего они могут добиться цѣной человеческих усилій, это передышка.

Сейчас, повидимому, одна из таких передышек осуществляется. Будем и за нее благодарны. Оттянуть войну на нѣсколько лѣтъ, даже мѣсяцев — это дать нѣсколько лишних шансов дѣлу добра. Нужно лишь помнить, что передышки ничего не мѣняют в соотношеніи сил. Послѣдніе сроки, оставленные нам, даны для работы. Безнадежна ли она? Нисколько, как ни мрачны очертанія настоящаго. Как раз послѣдній год принес много новаго и утѣшительнаго в смыслѣ кристаллизаціи творческих теченій в демократіи. Нѣкоторыя указанія на них читатель найдет и в настоящем номерѣ «Новаго Града». Я говорю о движеніи молодежи совершенно новаго типа, особенно для Франціи. Повидимому, понадобилось полное разочарованіе в идеѣ и практикѣ коммунизма, чтобы идеалистическія силы движенія, начали освобождаться от красных иллюзій. Их борьба идет под знаменем «духа», для многих церковнаго, историческаго христіанства. Да, повидимому, это так. Только отсюда, только из этого вѣчнаго источника огня и вдохновенія могут родиться силы, способныя остановить распад. Все остальное лишь злая конвульсія агоніи. Будущее покажет, стоим ли мы у истоков новой силы, — «идеократической», подобно фашизму и коммунизму — но которая несет міру не тиранію идеи, а освобожденіе властью идеи. Будущее покажет, способна ли эта правда стать силой, и это слово стать плотью — новой плотью исторіи.

Г. Федотов.